

— Мама, мамочка!.. — тихонько всхлипывала прильнувшая к женщине маленькая девочка с жидкими соломенными волосиками. На вид ей было года четыре или пять.

Женщина, похоже, сильно расшиблась при падении. Она долго не могла подняться с холодной земли и лишь слабо похлопывала плачущую дочку по плечу, тихонько шепча:

— Не плачь, маленькая, не надо...

Ся Чэнь подошел ближе. Извинившись за фамильярность, он протянул руку и помог бедняжке подняться.

— Благодарю вас, молодой господин, — тихо вымолвила она.

Лишь когда женщина подняла голову, Ся Чэнь разглядел её лицо. Черты её были тонкими и приятными, но кожа отливала болезненной желтизной. Бедняжка казалась до того истощенной, что даже сквозь ветхую одежду угадывались выпирающие кости — явные следы долгого, изнуряющего голода.

Ся Чэнь всегда тепло относился к детям. Видя, как кроха судорожно вздрагивает от едва слышного плача, он почувствовал, как сжимается сердце. Пошарив в своем дорожном сундучке с книгами, юноша достал пару сладких лепешек и протянул их малышке.

Девочка вылупила глазенки и уставилась на угощение, шумно сглатывая слюну, но взять не решалась. Она то и дело переводила робкий взгляд со Ся Чэня на мать.

Женщина замялась. Она прекрасно знала, что её дочь уже несколько дней не видела нормальной еды — свекровь цедила им лишь пустую, прозрачную как вода рисовую жижу, в которой можно было увидеть собственное отражение.

"Стоит ли отказываться от такого лакомства?"

Не в силах противиться полному мольбы взгляду дочери, женщина едва заметно кивнула. Малышка просияла, бережно взяла лепешку, снова шумно сглотнула и тут же потянулась к матери, поднося угощение к её губам:

— Мамочка, на, кушай!

Мать мягко отвела её ручонку и заставила поблагодарить спасителя. Не успей Ся Чэнь вовремя перехватить её, она бы заставила дочку поклониться ему в самые ноги.

— Молодой господин держит путь в город? — робко спросила она, когда дочка принялась за еду.

Ся Чэнь кивнул.

— Боюсь, городские ворота уже заперли, — покачала головой собеседница. — Да и дорога впереди скверная, сплошь размытые колеи да глубокие ямы. Если вам негде преклонить голову, ступайте в нашу деревню. Третий дом с краю принадлежит хорошим людям, у них есть свободные комнаты, там частенько останавливаются заезжие торговцы. А если пройти чуть дальше, седьмой по счету двор тоже принимает путников, у них избы почище и покрепче будут. А вот тот дом, у которого перед воротами сложен стог сена...

Желая отблагодарить юношу за щедрость, она подробно расписала все возможные места для ночлега, честно указав на достоинства и недостатки каждого дома.

Ся Чэнь задумался. Разумеется, он всегда мог переждать ночь в своем Системном пространстве, но спать на голой земле не хотелось — куда приятнее было провести ночь под крышей, в нормальной постели. Приняв совет бедняжки, он зашагал вслед за ней к видневшимся впереди крестьянским избам.

По дороге мать с дочерью съели гостинец. Женщина лишь раз поддалась на уговоры малышки и откусила крошечный кусочек, предоставив всё остальное ребенку. Девочка же светилась от счастья: она тщательно, подолгу пережевывала каждую крошку, смакуя непривычно сладкий вкус, прежде чем решиться проглотить её.

У самой околицы женщина внезапно замерла. Заметив недоумение на лице Ся Чэня, она легонько подтолкнула дочку вперед, велев ей проводить гостя, а сама, подхватив пустое деревянное ведро, поплелась обратно к реке.

— Куда это пошла твоя мама? — с любопытством спросил юноша у провожатой.

После сладкого угощения девочка совсем осмелела и пропищала тоненьким голоском:

— Маме надо за водой воротиться. Если ведро пустым принесет, бабушка её обедать не усадит.

Ся Чэнь промолчал, сочувственно вздохнув. Еще одна несчастная невестка под пятой у злобной свекрови.

Малышка довела его до выбранного дома. Ся Чэнь отблагодарил её леденцом, отправил домой и постучал в тяжелую деревянную калитку.

Хозяева и впрямь оказались на редкость добродушными и приветливыми людьми, а отведенная комната сияла чистотой. Ся Чэнь отсчитал десять медных монет за постой и накинул еще две

сверху. Обрадованные хозяева тут же принесли ему пышные, пахнущие свежестью новые постели.

С ужином Ся Чэнь решил управиться сам. Выкупив у хозяев пару увесистых клубней батата, он вознамерился испечь их в золе. Старая хозяйка пришла развести огонь и согреть для гостя воды; юноша пристроил батат у самого устья печи, дожидаясь, пока закипит котелок.

Пока вода нагревалась, старушка, так и лучившаяся любопытством, поинтересовалась, откуда молодой путник знает об их скромном приюте, ведь раньше в их краях она его не видывала.

Ся Чэнь вкратце описал повстречавшихся ему мать с дочкой и упомянул, что именно они указали дорогу.

Выслушав его, старушка горестно вздохнула:

— Ах, это была Чжэньнянь... Бедная девочка. Золотое сердце, да вот доля ей досталась горькая.

За этими словами явно скрывалась чья-то драма. Ся Чэнь не любил совать нос в чужие дела, но пожилая женщина, судя по всему, истосковалась по беседе. Подбрасывая ветки в топку, она охотно принялась делиться местными пересудами.

Выяснилось, что Чжэньнянь родом из соседней деревни. Отец её был уважаемым человеком, ученым-сюцаем, а сама она росла единственным и любимым ребенком в семье.

Как же так вышло, что единственная дочь почтенного книжника превратилась в измученное, голодающее создание? Местные бабы судачили, мол, родилась она под несчастливой звездой и сгубила сначала родителей, а потом и супруга. С малых лет она превосходно владела иглой, выводя дивные узоры, за что её ласково прозвали Чжэньнянь — Иголочкой.

Игла — предмет острый и колкий, суеверные крестьяне избегали давать детям подобные имена, опасаясь навлечь беду. Но отец-сюцай лишь посмеивался над предрассудками. Он говаривал, что растит единственную наследницу, и пусть её нрав будет острым, дабы никто не посмел её обидеть.

Беды, однако, не заставили себя ждать. Еще до того как девочка достигла совершеннолетия, её мать тяжело занемогла. Семья спустила на лекарей все сбережения, но женщина угасла. Овдовевший сюцай, дабы свести концы с концами, взялся за переписку книг в городской лавке. В один из ненастных дней, возвращаясь домой под проливным дождем, он оступился и рухнул в глубокий придорожный ров. Пока его отыскивали, бедняга успел подхватить жестокую лихорадку и вдобавок сломал ногу. Денег на лекарства не осталось, и вскоре книжник испустил дух.

Нынешняя же родня Чжэньнянь носила фамилию Хуан. У старухи Хуан было двое сыновей. Старший, Хуан Далан, кормился тем, что ходил по деревням со своей коробейной лавкой. Еще

в те сытые времена он тайно вздыхал по красавице-Иголочке, но семья Хуан жила в крайней бедности — на руках у овдовевшей матери оставался еще младший сын, так что бедный разносчик и мечтать не смел о союзе с дочерью ученого.

Но стоило семейству суючая разориться, а самой девушке остаться круглой сиротой, как Хуан Далан принялся денно и ночью умолять мать позволить ему взять сироту в жены. Старуха долго упиралась, но в конце концов уступила.

Первые годы супружества выдались на удивление мирными. Хотя свекровь отличалась склочным и скупым нравом, муж всегда заступался за Чжэньнянь. Молодая жена перевезла из родительского дома уцелевшие книги отца и принялась самолично обучать грамоте младшего деверя, Хуан Эрлана.

Старуха Хуан, мечтавшая вырастить собственного ученого, сменила гнев на милость и больше не косилась на невестку с вечным недовольством. Когда Чжэньнянь забеременела и произвела на свет дочку, Сюаньнян, свекровь, конечно, скривилась, но Хуан Далан души не чаял в малютке.

В год, когда Сюаньнян исполнилось пять лет, Хуан Эрлан поступил в городскую школу. Дорога туда была неблизкой, и старуха Хуан, не поскупившись, сняла для него комнатку на двоих с другими учениками. Раз в месяц Хуан Далан отправлялся в город, дабы отвезти младшему брату припасы.

Но в один черный день старший брат ушел и не вернулся. Обеспокоенная Чжэньнянь разыскала жилье деверя и от его соучеников узнала страшную правду: на городской улице Хуан Далан случайно напугал коней какого-то вельможи и погиб под копытами. Благородное семейство выплатило немалую виру — несколько десятков лянов серебра. Получив эти деньги, Хуан Эрлан поспешил замять дело и не стал заявлять судье.

Смерть кормильца подкосила семью. Однако старуха Хуан винила во всем исключительно невестку, проклиная её как зловещую полынь, сгубившую сперва отца с матерью, а теперь принявшуюся за их род. Проклинать-то проклинала, да на волю не отпускала — овдовевшую Чжэньнянь заперли в доме, заставив день и ночь гнуть спину над вышивкой, дабы оплачивать учебу пронырливого Хуан Эрлана. Свекровь то и дело попрекала её куском хлеба, твердя, будто девка по гроб жизни обязана их семье, но ни словом не обмолвилась о том, куда подевались те серебряные монеты, выплаченные за смерть её собственного сына.

Всего за пару лет такой жизни Чжэньнянь превратилась в ходячий скелет. Ся Чэню невольно вспомнился изможденный силуэт повстречавшейся у реки женщины, и сердце его вновь болезненно сжалось от жалости к этой несчастной душе.

Грустный рассказ испортил Ся Чэню аппетит. Кое-как запивая теплой водой, он съел испеченный батат и заел его парой сладких лепешек, на том и завершив свой скромный ужин.

Умывшись, юноша мысленно велел Тунбаню проверить двор и прилегающие закоулки.

Убедившись, что вокруг всё спокойно, он скользнул в свое Системное пространство и первым же делом «набрал номер» Цзыцзяня.

Вэнь Шу, должно быть, не отходил от своей юньнаньской камелии: едва цветок-громкоговоритель в руках Ся Чэнь затеплился мягким светом, как лепестки его сменили оттенок — связь установилась.

Ся Чэнь вкратце описал свои приключения. Как и следовало ожидать, узнав, что друг застрял на полпути, Вэнь Шу недовольно проворчал:

— Говорил же, оставайся у меня. Знал бы, ни за что не отпустил бы на ночь глядя.

Ся Чэнь лишь весело отшутился. Кто же мог предугадать, что в дороге нагрянет метель, а сумерки сгустятся так стремительно, перекрыв путь к городским воротам?

Они проболтали какое-то время. Чтобы поскорее залучить гостя к себе, Вэнь Шу принялся в красках расписывать изысканные яства, которыми славился его домашний повар. У Ся Чэнь так разыгрался аппетит, что он впервые до конца понял вечно голодного Нань-гэера. Оказывается, сам он вовсе не был равнодушен к еде — просто скудная крестьянская стряпня доселе не будила в нем истинного гурмана.

Они проговорили, пока цветок-громкоговоритель окончательно не угас. Пожелав Вэнь Шу доброй ночи, Ся Чэнь принялся за дела: собрал созревший на грядках урожай и засеял землю новой партией семян.

Покончив со сбором, он направился к участку с белым песком, где покоилось чудесное семя. В его запасах по-прежнему хранилась драгоценная порция энергетической воды, повышающая шанс мутации, но тратить её сейчас юноша не решался — слишком боялся испортить редкий ресурс.

Днем, будучи в храме Баочэн, Ся Чэнь улучил момент и набрал горсть тамошней освященной земли, а на обратном пути прихватил немного чистого талого снега из придорожного леса. Он отлично помнил, что первый цветок-громкоговоритель взошел на земле из храма Бессмертной Девы. Авось и почва из буддийской обители сотворит чудо?

Аккуратно присыпав семечко монастырской землей и полив талой водой, Ся Чэнь устался на неподвижную песчаную гладь.

"Будда, милостивый Будда, — мысленно взмолился юноша, — гляди не уступи Лао-цзы с его бессмертными!"

Смыв с рук остатки земли чистой водой из системного источника, этот нечестивец мысленно ухмыльнулся собственной дерзости. К счастью, внутри пространства царил вечное весеннее

тепло, так что студеная вода ничуть не леденила кожу.

После всех трудов у него снова заурчало в животе. В шестнадцать лет молодой организм требовал обильной пищи, а двух запеченных клубней явно оказалось мало. Разводить печь заново было лень, да и пресные рисовые колобки из запасов не манили. Покинув пространство, Ся Чэнь достал завернутые в чистую бумагу сладости, подаренные Вэнь Шу.

Большую часть свертка составляли разнообразные пирожные — масляные и постные. Ся Чэнь выудил брусочек клейкого рисового пирога с ароматом душистого османтуса. Это лакомство, замешанное на меду и сушеных лепестках, отличалось нежной, не приторной сладостью. Остывшее клейкое тесто приятно пружинило на зубах, раскрывая тончайшие оттенки медового вкуса. Крепкие зубы и юношеский аппетит превращали это простое занятие в истинное блаженство.

Но стоило ему проглотить последний кусочек и потянуться за добавкой, как в ушах раздался подзабытый звон Системы:

[Поздравляем! Хозяин активировал случайный квест: «Битва за клейкий рис». Желаете принять?]

Юноша поперхнулся и поспешно сделал глоток воды. Откашлявшись, он возмущенно прошептал:

— Бань-эр, скажи честно, твоё последнее обновление часом не подхватило какой-то вирус?

Какая еще «Битва за клейкий рис»? Это совершенно не вязалось с серьезными поручениями, что выпадали ему раньше. Да и условия активации поражали нелепостью: стоило съесть один кусочек пирога, как Система тут же среагировала. Он ведь и раньше лакомился рисом, отчего же молчал твой алгоритм?

[Процесс загрузки пакета обновлений не завершен. Вредоносных программ не обнаружено. Желает ли Хозяин принять задание?]

— Да беру я, беру, — вздохнул Ся Чэнь.

Случайные квесты ни к чему его не обязывали. За провал не предусматривалось никаких карательных мер — разве что обещанной награды не видать, да новые случайные задания заблокируются, пока висит старое. Но за все десять лет владения Системой подобные задания выпадали от силы дважды, так что упустить такую редкую возможность было бы непростительной глупостью.